

Данная статья к «Моей правде» - 1996 - № 13.

ГОВОРЯТ МАСТЕРА

Вячеслав
ШАЛЕВИЧ

Сказки старого Арбата

Меня часто спрашивают, почему я в кино сыграл так много отрицательных ролей... Да потому что положительному герою тогда ни с девушкой нельзя было пойтись, ни сказать что-нибудь такое...

**А отрицательному все было можно. Это была легкая возможность своей игрой преподать какой-то урок. Я всегда эти отрицательные роли открывал в связи с темой, заложенной где-то в глубине. Но я никогда не смог бы сыграть человека, который бьет, скажем, Белого Бима. Это категорически невозможно. Это даже без темы...
Что нужно, чтобы я согласился на роль? Прежде всего - хорошая литература и тема. Должен присутствовать нравственный поворот. Должен быть обозначен какой-то выход. Чтобы люди понимали, как человек к этому пришел. Каково было его становление. Или, напротив, вот была возможность проявить свои хорошие качества, а герой поступил по-другому...
То есть для меня сцена в какой-то степени - алтарь, а театр и кино - проповеди. И мне безумно жалко, когда появляется чернуха без всяких оправданий - к горлу - нож, утюг - на живот. Зачем? Ради чего? Чтобы только показать, что все это в жизни существует? Но если ты прикасаешься к художественному вымыслу, то надо четко знать адрес, по которому ты говоришь. Осознавать, что за всем этим стоит, какая задача, чему же ты все-таки хочешь научить людей. Показать кровь, которая изливается из трупа, или обозначить социальную или общественную проблему? Или показать нравственный надлом, который случился в человеке?...
Вот что действительно интересно...**

- Я вырос во дворе дома театра им. Вахтангова. Мама моя никакого отношения к театру не имела. Она была служащей. Отец был репрессирован, и я с ним познакомился только в 38 лет, когда, будучи уже киноартистом, ездил по стране с творческими встречами. Наши дороги случайно пересеклись в Бийске. Правда, с мамой они разошлись еще до моего рождения. Это меня в некоторой степени и спасло, потому что во всех анкетах я писал, что отца я не знал.

Отец думал, что мы тоже сидели. Но нам повезло. В первые дни войны, когда Москву бомбили, я сидел в бомбоубежище под театром, а потом вместе с мальчишками бегал и собирал осколки. Мне было шесть с половиной лет. И мы тогда хвастались, сравнивая, у кого осколок больше... В том возрасте мы бесстрашно смотрели на жизнь...

А потом в наш «вахтанговский» дом стали подселать артистов. Рядом с нами жили Михаил Ульянов, Николай Гриценко, Сергей Лукьянов - в то время популярный и модный.

Помню, как однажды он меня «окрестил». Я побил его дочку, и из подъезда вышла такая огромная машина... Он поднял меня на руки и ... положил в лужу посередине двора. Я думал, что будет бить, а он - в лужу. И ушел. Много лет спустя мы с ним в театре встретились, он очень обрадовался. Я считаю его в некотором роде моим крестным отцом. Мы вместе снимались в «Капитанской дочке». Его и еще Олега Стриженова. Будучи студентом IV курса, я еще ничего толком не знал и не понимал, а они меня опекали... А я к ним присматривался...

Эта дворовая театральная атмосфера меня завораживала. Годы были трудные, послевоенные. Но я видел все спектакли театра им. Вахтангова. Вплоть до «Мадмуазель Нитуш». И даже старые артисты удивлялись потом, как это я помнил все. А я бегал на все генеральные репетиции, просмотры. В школе только именами актеров и разговаривал.

И вот, как говорится, где родился, там и пригодился... Я поступал только в училище им. Щукина. И, откровенно говоря, не мог себе представить, как можно так далеко ходить - во ВГИК или во МХАТ. Или в Щепкинское... Нет, не дай Бог! А многие абитуриенты ходили по всем училищам. Я ходил только к себе. Был принят, и слава Богу! Всю свою жизнь проработал в родном театре им. Вахтангова.

Как мы жили до того? Жили бедно, жили плохо. Я помню, играя в

футбол, разбил форточку в окне у Гриценко. Он все время приходил к моей маме и говорил, чтобы она заплатила 3 руб. 87 коп. Я на всю жизнь эти 3.87 запомнил. А когда он увидел меня в театре, то грозно сказал: «А-а-а! И ты здесь?!»

...Мне тогда казалось, что театр - это то явление, которое может мне в жизни восполнить недостающее... Я смогу хорошо одеваться, я буду ходить и о чем-то мечтать, что-то репетировать... У нас во дворе летом на просушку вывешивали театральные костюмы - королевские, офицерские с орденами, пуговицами. И мы, мальчишки, замороженные всем этим блеском, срезали пуговицы и носили хвастаться в школу. Все это обволакивало. Для меня поступление было закономерно. Я родился и вырос в театральной атмосфере. Никто меня не учил, никто на меня не влиял. Я ни с кем не советовался, кроме, пожалуй, Дмитрия Николаевича Журавлева. Я играл в одном драмкружке с его дочкой Машей, и она отвела меня к отцу. Я что-то читал ему, и он сказал: «Иди! Я поставил на двух лошадей». Как выяснилось впоследствии, этими лошадками были я и Миша Козаков, который поступил во МХАТ.

Конечно, я много читал. У нас в классе был блестящий педагог по литературе Израиль Михайлович Шенкман. Уникальный совершенно человек. Он закрывал учебник и говорил: «С 72 по 78 страницу. Базаров, «Отцы и дети». Если кто-нибудь что-нибудь спит с учебника - ставлю двойку». Он фантазировал сам и учил фантазировать нас.

Я помню, как точно в тему сочинения придумывал эпиграфы и подписывал «Станиславский». Как будто Станиславский только и думал о Павле Корчагине или о Евгении Базарове.

В нашем классе учился Анатолий Гладиллин, который стал потом замечательным писателем. И все под влиянием Израйля Михайловича. Потому что нам предоставлялась свобода думать, мыслить, самовыражаться. Потому что в сочинении на тему «Лишние люди» Гладиллин мог написать: «Базаров, Онегин, Печорин и ... Тарзан. И больше ничего не хочу писать». А Шенкман мог поставить не единицу, а пятерку и приписать: «За мыслишки». Так он нам преподавал.

Я любил литературу, я много читал, и о театре тоже. И будучи уже почти грамотным человеком и ребенку наказываю - читай, мол, пиши побольше.

Помню, я в школе влюбился в одну девочку и поклялся писать ей в день по письму. Я писал обо всем, что видел. Что-то сочинял. Я писал черновики, а потом проверял, чтобы, не дай Бог, не было ошибок. Потом дважды вычитывал. Учебники просматривал, чтобы она меня за безграмотного человека не сочла. А потом, придя уже в 9-й класс, вдруг обнаружил, что я грамотный человек - пишу без ошибок практически.

Естественно, при такой литературной подготовке я прошел в училище - написал сочинение на «ура!». Хотя в математике, например, путал конус с треугольником.

Я поступил в Щукинское... Но, впрочем, это уже совсем другая история...

Монолог артиста записала Елена КУРБАНОВА.

На снимке: «Где родился, там и пригодился»: двор недалеко от вахтанговского театра.